

половцев в 1199 г.¹⁷ Это ясно указывает, насколько сознательно, с какой тонкостью в стремлении создать впечатление правдоподобия проводили составители Степенной книги подмену подлинных фактов желательной для них версией.

Если после всего сказанного у кого-нибудь еще могут оставаться сомнения в том, что рассказ Степенной книги непосредственно отвечает на «Слово о полку Игореве», то дальнейший текст уже не оставляет никакой возможности для того, чтобы сколько-нибудь разумно в этом сомневаться.

Писатели XVI в. решили защитить от обвинений в бездействии, выдвинутых в «Слове», еще одного князя, который, так же как и Всеволод, в действительности не имел к этому событию никакого отношения и только по воле автора «Слова» оказался вместе со Всеволодом в числе князей, упомянутых в «Слове о полку Игореве».

Цитированный выше рассказ о том, как Всеволод ходил выручать Ольговичей, продолжен таким образом: «...князь же Романъ Мстиславичъ Галичскій, внук Изяславль, правнук Мстислава Владимерича Манамаша, взя вежи Половецкыя и множеству плена христьянского возврати».¹⁸

На вопрос: почему из трех «больших» князей, к которым обращался автор «Слова», в Степенной книге дано отпущение «греха» только Роману и Всеволоду, а Ярослав Осмомысл не упомянут, — ответ дан в самом тексте: Роман — потомок Мономаха, к тому же родственник Всеволода по жене. Материал для этого рассказа взят в Лаврентьевской летописи под 1202 г., где описан поход Романа на половцев,¹⁹ и искусственно привязан к событиям, относящимся к походу Игоря.²⁰

4

Отношение между «Словом о полку Игореве» и легендой о Всеволоде такое же, как между голосом и эхом. Второе не может возникнуть само по себе — оно отголосок первого, но отголосок искаженный.

Официальные книжники XVI в. признали силу «Слова о полку Игореве», так как в выборе материала для своего построения пошли не за действительностью и документами, а за автором «Слова», избравшим поход Игоря основой своего повествования. Не считая для себя возможным пройти мимо «Слова» они пустились в прямую полемику против изображения автором «Слова о полку Игореве» трех его весьма значительных героев. Если он гиперболизировал роль Святослава Киевского в происшедших событиях, то они ее вовсе зачеркнули. Если он с укоризной в бездействии обращался к Всеволоду и Роману, то они сочинили версию об их решающем участии в событиях.

«Слово о полку Игореве» не только в этих пунктах, но и в целом должно было прититься не по душе составителям Степенной книги. «Слово» наиболее ярко из всех памятников древности запечатлело картину разобщения и междоусобиц, которую сочинители Степенной книги старались скрыть и заменить картиной единодержавия. «Слово» возмущало их своим

¹⁷ ПСРЛ, т. I, в. 2, стр. 414.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 226.

¹⁹ ПСРЛ, т. I, в. 2, стлб. 418; т. XXI, ч. 1, стр. 226.

²⁰ Составители Степенной книги постоянно пользуются произведениями древней русской литературы как материалами для компиляции нужных им текстов. Ср., например, два плача княгини Ольги об Игоре, сделанные составителями Степенной книги из плача Евдокии — «Слово о житии... великого князя Дмитрия Ивановича...». «Этот пример указала В. П. Адрианова-Перетц в статье о данном житии, помещенной в т. V ТОДРА (М.—Л., 1947, стр. 93).